

7—9 октября 2009 г. в Минске состоялась
международная нумизматическая конференция
“Нумизматы и коллекции”.

В этом, специальном, выпуске журнала — доклады участников конференции.

Об учителе и друге

Александр ЕГОРЕЙЧЕНКО

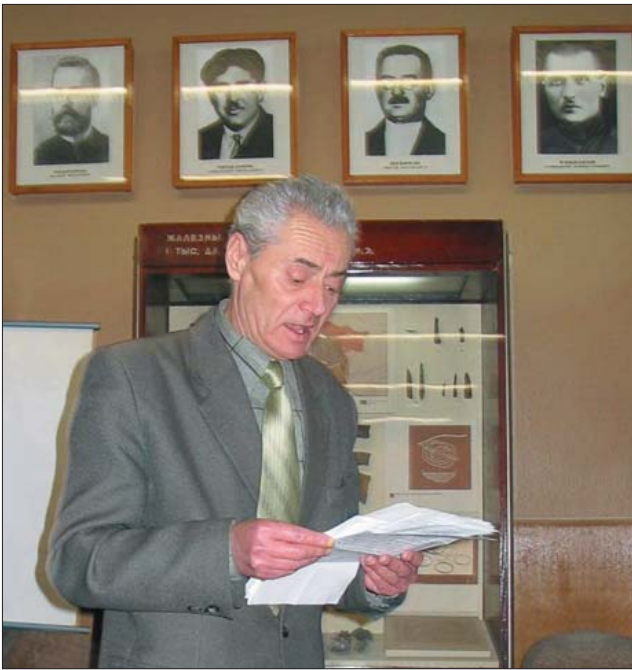
Доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин Белорусского государственного университета

Писать о выдающемся ученом всегда непросто, вдвойне сложно, когда тебя с ним связывали такие долгие и одновременно быстро прошедшие годы дружбы. На историческом факультете Белорусского государственного университета нас называли сиаемскими братьями, поскольку редко видели одного без другого. Валентин Наумович Рябцевич очень часто специально задерживался на кафедре, чтобы подождать меня. Домой мы обычно возвращались вместе, благо это было по пути. Теперь, проезжая мимо гостиницы “Спутник”, мне все кажется, что вот сейчас из-за угла дома появится такой знакомый силуэт худощавого человека с неизменной сигаретой в руке. Часто останавливаясь, он будет делать вид, что просто хочет, не горясь, покурить, скрывая от всех истинную причину — боль в ногах. Увы, эта картина останется только в моей памяти...

Впервые судьба свела нас в 1973 г. во время моей учебы на историческом факультете Белорусского государственного университета. В. Рябцевич читал нам курс “История средних веков”. В то время на факультете работало много талантливых ученых и преподавателей, однако Валентин Наумович выделялся среди них своим неповторимым стилем — сочетанием глубоких научных знаний и популярностью изложения. Читал лекции он блестяще и необычно, не используя никаких конспектов и других подручных средств: свободно перемещался по аудитории, мог присесть на стол, а не на стул, иногда позволял себе закурить. А потом на курсе лекций В. Рябцевича “Нумизматика” я впервые познакомился с историей денежного обращения на территории Беларуси: удивительно органичный сплав истории и нумизматики. У него не было ни одной неинтересной лекции, но, конечно же, особенно запомнились его рассказы о кладах и их поисках. Не забуду и зачета, который был гораздо сложнее многих экзаменов. Помимо основных вопросов, помню, как Валентин Наумович потребовал от меня перечислить даты правления всех великих князей литовских и королей Речи Посполитой. Споткнулся на Стефана Батории, но сумел сам исправить свою ошибку.

В. Рябцевич всегда очень требовательно относился к знанию своего предмета. Для него не существовало разницы между зачетом и экзаменом, соответственно, критерии оценки подготовленности студента были одинаковыми. Не секрет, что в последние годы планка требований к изучению предметов значительно упала, в том числе и по причине снижения общего уровня знаний студентов. Валентин Наумович до конца своих дней этого не воспринимал. Довольно большая группа студентов из года в год пересдавала ему зачеты и экзамены по 3—5 и даже больше раз — до тех пор, пока он не убеждался в знании своего предмета. Несмотря на такую высокую требовательность, мне ни разу не приходилось слышать негативного отзыва от студентов в его адрес, что порой, увы, встречается в отношении других преподавателей.

Особая статья — археологические экспедиции, которым В. Рябцевичем было отдано ни одно десятилетие. Еще будучи студентом он принимал участие в раскопках в Осовце, Полоцке и в Березинском запovedнике. Известно, что В. Рябцевич первоначально поступил в аспирантуру Института истории АН БССР по специальности “Археология”. Позднее судьба свела его с выдающимся советским нумизматом, заведую-

На конференции, посвященной
75-летию Э.М. Загорюльского. 2005 г.

щим отделом нумизматики Государственного Эрмитажа И. Спасским, его учителем, перед которым он преклонялся до последних дней. Однако увлечение археологией также не проходило. Вторично оно реализовалось в связи с открытием в 1973 г. кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин, на которую Валентин Наумович был приглашен Э. Загорюльским, и где он проработал вплоть до ухода из жизни. До черныбыльской катастрофы Валентин Наумович проводил раскопки курганов на Рогачевщине, которые дали богатые материалы, составившие значительную часть экспозиции зала археологии учебного музея исторического факультета БГУ. Позднее В. Рябцевич перешел к исследованию курганов на Мядельщине.

В 1993 г. встал вопрос, где проводить практику, учитывая, что к нам должны были приехать студенты-археологи во главе с профессорами К. Годловским и М. Парчевским из Ягеллонского университета. В то время я работал в Браславском районе, исследуя городище Тарилово на озере Укля. Рядом находились курганы, которые впервые копал еще в конце XIX в. Ф. Покровский. Я предложил Валентину Наумовичу объединить наши экспедиции, чтобы польские коллеги могли поучаствовать в раскопках как городища железного века, так и курганов. Он согласился с условием предварительного осмотра этой курганной группы. В мае 1993 г. мы выехали на место, и начались приключения. Недалеко от Глубокого у нас сломалась экспедиционная машина. К счастью, отремонтировав ее на местной автобазе, мы продолжили путь. Но на этом наши злоключения не закончились. Прибыв на место, не могли найти курганы, будто нас “черт за руку водил”, при всем том, что дорога к ним в лесу была обозначена специальными знаками. Несмотря на неудачу, Валентин Наумович все-таки согласился на проведение совместной экспедиции. С этой поездки

началось наше сближение, переросшее позднее в тесную дружбу. Именно здесь я впервые узнал о дне хомяка, который традиционно на протяжении почти 20 лет В. Рябцевич устраивал для своих студентов. Для непосвященных: этот праздник возник во второй половине 70-х гг. XX в. Уже в то время Валентин Наумович брал с собой в экспедицию сыновей. Совсем маленький Глеб, который еще не ходил в школу, в жаркий день попил воды из Днепра и с тяжелейшим кишечным заболеванием попал в реанимацию Рогачевской больницы... С тех пор В. Рябцевич устраивал ежегодно для студентов этот праздник, несмотря на все трудности. Кстати, позднее именно он послужил основой для проведения во всех экспедициях исторического факультета Дня посвящения первокурсников в археологи. В экспедиции я познакомился и с кулинарными способностями Валентина Наумовича, о которых до этого только слышал. В этот день он обязательно строил, как он говорил, а не варил борщ. Ничего более вкусного я ни раньше, ни позднее не пробовал, даже учитывая то, что моя мама, украинка, знала большой толк в этом блюде.

После окончания экспедиции мы повезли с ним группу студентов на раскопки в Краков. Для меня это была вторая поездка в этот город. В. Рябцевич бывал здесь чаще, поэтому он много рассказывал и о самом городе, и о коллегах, с которыми был хорошо знаком и дружил. Ежедневное общение еще больше сблизило нас. Нас поселили в однокомнатном номере студенческого общежития Ягеллонского университета “Пяст” с балконом, выходящим на лужайку перед зданием. По вечерам мы с ним пили чай “Липтон” (он, кстати, до этого не любил этого напитка) и наблюдали за студентами, которые, совершенно свободно располагались на этой лужайке, вели себя независимо.

После возвращения мы встречались почти ежедневно. Как правило, Валентин Наумович рассказывал о том, над чем работал. Чаще всего это были монологи. Он не любил, когда его перебивали (чем я был грешен), и рассказывал о том, что сделал за какое-то время. В назидание молодым хотелось бы сказать о его стиле работы. В. Рябцевич мог неделю и больше обдумывать начало или конец своей очередной статьи. Уже готовый, казалось бы, текст Валентин Наумович перерабатывал по 5—6 раз. Подобное отношение к своим публикациям он перенял от своего учителя, который ему говорил: “Валентин, запомни, ты пишешь не для себя, а для читателя”. Этому принципу он никогда не изменял и требовал такого же от своих учеников.

В 2004 г. к нам поступило приглашение от Готландского университета (Висби, Швеция) по программе, предусматривающей взаимное участие студентов, прежде всего в археологических раскопках. Зная о том, что В. Рябцевич практически никогда не имел отпуска, я попросил коллег из Швеции, чтобы они пригласили и его. Думаю, эта поездка запомнилась и ему, и мне. Я “потерял” его в Стокгольме. Не буду пересказывать перипетии всех этих событий. Валентин Наумович жил один в трехэтажном отеле, который пустовал до летнего времени. У него был двухуровневый номер, в котором можно было расселить не одного человека. Но, вероятно, по меркам шведских коллег, проживание двух важных персон в одном номере было недопустимо. Меня отправили жить в частный отель на берегу Балтийского моря. Большую часть

времени, не считая переговоров с проректором и выступления перед студентами и преподавателями, мы провели в фондах Археологического музея Готланд. Однако быть в Швеции и не посмотреть королевский нумизматический кабинет Валентин Наумович не мог. С его подачи удалось побывать в Стокгольме, где мы осмотрели и мюнцкабинет, и исторический музей. К сожалению, из-за его больных ног нам, за исключением посещения кафедры археологии Стокгольмского университета, других музеев посмотреть не пришлось. Произвело впечатление и отношение археологов Готландского университета. Во-первых, нам показали памятники предполагаемых раскопок (и не только их), и, во-вторых, узнав, очевидно, из паспорта о том, что 26 ноября у В. Рябцевича юбилей, шведские коллеги устроили для него праздничный обед, на котором вручили подарок в виде копии римского бокала первых веков нашей эры.

К большому сожалению, болезнь ног у Валентина Наумовича прогрессировала. К врачам он обращаться не хотел. В 2006 г. я предложил ему поехать вместе в экспедицию на Браславщину. Мне хотелось, чтобы он отдохнул. Увы, промаявшись без дела 10 дней, он решил уехать. В дальнейшем он провел еще две самостоятельные экспедиции раскопок курганов. Еще весной 2008 г. он не терял надежды возглавить очередную практику студентов.

Говоря об этом выдающемся ученом, нельзя пройти мимо еще одного факта. На протяжении почти 15 лет он практически в одиночку боролся за возвращение государству, а следовательно, всем нам так называемого “пояса Витовта”, денежно-вещевого клада начала XV в. Эта почти детективная история разворачивалась на моих глазах. К нам на кафедру пришел мужчина с просьбой оценить серебряную бляху от пояса. В случае отказа ее купить, равно как и все остальные части пояса, он уверял, что в ближайшее время они будут проданы за границу. Владелец неопределенно утверждал о находке этого раритета в кургане под Раковым либо где-то рядом. Выдвигались и иные версии. В Рябцевичу удалось добиться того, чтобы до выяснения всех обстоятельств находки этот клад хранился в Национальном музее истории и культуры. В дальнейшем клад был продан с подачи департамента по охране культурного наследия частной зарубежной фирме за смешную сумму. Первый суд ничего предосудительного в этом деле не выявил. Затем Валентину Наумовичу сообщили о реальном месте находки клада. Мы выехали туда и с помощью металлодетекторов обнаружили еще две части пояса и пражский грош. Тем самым подтвердились как место находки, так и то, что это кладовый комплекс, который не может находиться в частных руках. В конечном итоге многолетняя борьба (после второго суда) увенчалась успехом. Сейчас уникальный пояс, значимость которого В. Рябцевич сравнивал с крестом Евфросиньи Полоцкой, находится на хранении в Национальном музее истории и культуры.

Нельзя не отметить и человеческих качеств Валентина Наумовича. Это был очень добрый человек, готовый в любой момент прийти на помощь ближнему, в чем мне приходилось убеждаться ни один раз. В то же время — очень принципиальный, отстаивавший свою позицию до конца. Иногда с ним было сложно, он мог обидеться, но, надо отдать должное, первым шел на примирение.

*Перед открытием нумизматического кабинета в главном корпусе ВГУ. 1978 г.
Слева направо: В. Рудкин, В. Рябцевич, Н. Тимоховцев, А. Стуканов, П. Казей.*

*На открытии зала археологии в учебной лаборатории музейного дела.
Слева направо: В. Ладысев, А. Мальцев, Е. Власовец, В.Рябцевич, А. Сальков.*

*У ладвиевидного могильника.
Остров Готланд, Швеция. 2004 г.*

Нет больше сиамских братьев. Одной половинки не стало, а вторая болит до сих пор...